

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1903 г.: ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЗАКОНА (к 120-летию со дня принятия)

© 2023 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 23.10.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена последнему кодифицированному уголовно-правовому акту Российской Империи – Уголовному уложению 1903 г., со дня принятия которого исполняется 120 лет. Уложение имеет трагическую судьбу: будучи разрабатываемым в течение 22 лет, оно так и не было введено в действие в полном объеме. Раскрываются социально-правовые предпосылки подготовки кодекса, показана история работы над законом, дается характеристика Общей и Особенной частей Уложения и оценка его уголовно-правового значения.

Ключевые слова: Российская Империя, Уложение 1845 г., Устав 1864 г., Уголовное уложение 1903 г., концептуально-правовые основы, история разработки Уложения 1903 г., редакционная комиссия, Особое совещание, Особое присутствие департаментов Правительствующего Сената, общее собрание Государственного совета, введение в действие Уложения 1903 г.

Цитирование: Чучаев А. И. Уголовное уложение 1903 г.: трагическая судьба закона (к 120-летию со дня принятия) // Государство и право. 2023. № 12. С. 179–193.

DOI: 10.31857/S102694520029296-6

CRIMINAL CODE OF 1903: THE TRAGIC FATE OF THE LAW (to the 120th anniversary of its adoption)

© 2023 A. I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 23.10.2023

Abstract. The article is devoted to the last codified criminal law act of the Russian Empire – the Criminal Code of 1903, from the date of adoption of which marks 120 years. The Code has a tragic fate: being developed for 22 years, it has not been put into effect in full. The socio-legal prerequisites for the preparation of the code are revealed, the history of work on the law is shown, the characteristics of the General and Special parts of the Code and the assessment of its criminal legal significance are given.

Key words: Russian Empire, the Code of 1845, the Statute of 1864, the Criminal Code of 1903, the conceptual and legal foundations, the history of the development of the Code of 1903, the editorial Commission, a special meeting, the Special presence of the departments of the Governing Senate, the general Meeting of the State Council, the introduction of the Code of 1903.

For citation: *Chuchaev, A.I. (2023). Criminal Code of 1903: the tragic fate of the Law (to the 120th anniversary of its adoption) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 179–193.*

*«Создать кодекс – значит отразить
в ее главных чертах известную социальную эпоху».
Профессор Адольф Принс*

24 марта 1913 г. в С.-Петербургской еженедельной газете «Право» вышла статья проф. Н.С. Таганцева с достаточно неожиданным названием для подобного рода изданий – «Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея». Автор сокрушался: «Не думалось мне, что придется писать по поводу совершенно своеобразного юбилея, но, увы, предвидение человеческое ограничено.

22 марта 1913 г. исполнилось 10 лет со дня утверждения Верховной властью Уголовного уложения, причем в Указе Правительствующего Сената повелевалось: “сделать распоряжение к обнародованию Уложения и к приведению засим в действие, в срок, который будет Нами особо к тому назначен”; но и поныне оно не введено в действие, кроме нескольких глав и статей, и мы присутствуем на прискорбном юбилее *невведения* его в действие»¹.

С горечью и сожалением Н.С. Таганцев далее пишет: «Как один из авторов Уголовного уложения, вложивший в него всю сумму своих, может быть, ограниченных знаний, всю свою, хотя бы, может быть, и незначительную опытность жизни, я не могу, ничтоже сумняшеся, принять к руководству погребальные распева... мне бы хотелось, как Фоме неверующему, вложить персты в те раны, которые усмотрены в Уголовном уложении... мне думается, что вины нового уложения не относятся к семи смертным грехам, и что Уголовное уложение 1903 г., если бы оно было введено в действие во всем его объеме, прошло бы сквозь горнило житейских требований...»².

На наш взгляд, чтобы понять боль Н.С. Таганцева – сенатора, крупнейшего русского ученого-криминалиста, снижавшего мировую славу, трудами которого восхищались не только его современники, но и пользуются нынешние российские ученые, одного из составителей Уголовного уложения, работавшего над ним в течение 22 лет, надо вернуться в 1881 г. – к началу деятельности Комиссии по подготовке указанного кодекса, членом которой он являлся.

Социально-правовые предпосылки разработки нового Уложения

Уголовное уложение 1903 г. – последний фундаментальный законодательный акт Российской Империи, относящийся к материальному уголовному праву. «В истории его создания, содержании и судьбе отчетливо отразились

как особенности последних десятилетий существования Российского государства, так и организация законотворческой деятельности в это время, осуществлявшейся преимущественно бюрократическим путем, но опиравшейся на начальную – законопроектной – стадии на науку»³.

В годы работы над проектом Уголовного уложения в Российской Империи, как известно, действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В 1857 г. оно было имплементировано в т. XV 3-го издания Свода законов Российской империи. В основном за счет включения в текст Уложения постановлений Устава табачного⁴ и ряда положений Устава телеграфного⁵ число его статей с 2224 увеличилось до 2304⁶. Таким образом, вместо создания обновленного компактного акта законодатель пошел по другому пути: он попытался свести воедино все уголовные законы, принятые за два последних столетия.

Многие недостатки, отмечавшиеся в литературе, Уложению о наказаниях были присущи изначально. Так, Н.Д. Сергеевский пишет: «В самой задаче, взятой на себя составителями проекта, – соединить законоположения различных эпох, по основаниям своим противоречащие друг другу, – заключалась коренная ошибка. Эта ошибка повлекла за собой следующие результаты: во-первых, рознь руководящих принципов между различными отделами Уложения; во-вторых, отсутствие сколько-нибудь точного масштаба при определении ответственности за преступные деяния не только различных категорий, но одной и той же категории; в-третьих, формальное противоречие отдельных постановлений»⁷. К этим, по выражению Н.С. Таганцева, «первородным грехам» Уложения, позже добавились новые, обусловленные неудачной его доработкой в 1857 г.⁸

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 240.

⁴ Текст законодательного акта с последующими изменениями и дополнениями по состоянию на 1877 г. см.: Устав табачный, измененный согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета со всеми узаконениями и распоряжениями Правительства, циркулярами Министра финансов и решениями Кассационного департамента Сената. М., 1978.

⁵ Текст законодательного акта см.: Устав телеграфный. СПб., 1876.

⁶ По утверждению Н.С. Таганцева, число статей Уложения примерно в четыре раза превышало число статей любого из современных ему кодексов западных стран (см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. СПб., 1902. Т. I. С. 221).

⁷ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1900. С. 28.

⁸ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. Т. I. С. 221.

¹ Таганцев Н.С. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея // Право: еженедельная юрид. газ. 1913. 24 марта.

² Там же.

Кроме того, в литературе обращается внимание, что т. XV Свода законов, определивший содержание Уложения о наказаниях, не охватывает всей совокупности прежних русских уголовных правоустановлений, как декларировалось властями⁹. Если ориентироваться не на ссылки и примечания к статьям, а исходить из истинного содержания уголовно-правовых норм, то можно прийти к выводу, что разд. I почти целиком имеет иностранное происхождение, в первую очередь отражает отвлеченные формулировки немецкой уголовно-правовой доктрины XIX в. Между тем весь этот материал вошел в Уложение о наказаниях под видом исторических национальных правовых актов, что, по сути, не могло не сказаться на концептуальных основах уголовного закона.

Само Уложение страдает многостатейностью, явившейся результатом нарушения законодательной техники, увлечением его составителей казуистической формой изложения норм. На первый взгляд подобный подход к формированию правового акта облегчает задачу правоприменителя, поскольку в Кодексе содержится определение на каждый отдельный случай. Однако он имеет больше недостатков, чем достоинств: во-первых, при таком подходе к формированию законодательного акта увеличивается риск проблемности правового регулирования (как указывает Сергеевский, «чем казуистичнее Уложение, тем больше окажется в нем в действительности пропусков»¹⁰); во-вторых, отсутствие общих норм с достаточно высокой степенью обобщения может вести к проблемам квалификации содеянного.

Следует заметить, что регламентация наказания в Уложении 1845 г. существенно отличается от предыдущих уголовных узаконений. В частности, в нем представлена лестница наказания, содержащая виды наказаний для каждого рода преступных деяний, что позволило в некоторой степени исключить неопределенность карательных мер, которой страдало уголовное право XVIII – первой половины XIX в. Однако на практике выявились сложность, противоречивость, а главное, неприложимость видов наказаний к некоторым деяниям, отраженным составителями в Уложении, а также резкое сужение судейского усмотрения при определении конкретной меры наказания лицу, совершившему преступления, что ограничивало возможности его индивидуализации¹¹.

Вероятно, наиболее радикальную оценку Уложению о наказаниях 1845 г. дал П. П. Пусторослев: «Это уложение не представляло законченной системы постановлений общего уг.[оловного] права, проникнутой внутренним единством, последовательностью и полнотой, а потому и не было уг.[оловным] уложением в строгом научном смысле этого слова. Напротив, уложение о наказаниях составляло в действительности свод постановлений действующего русского общего уг.[оловного] права, пополненный некоторыми новыми постановлениями: частью под влиянием

судебной практики, а частью под влиянием других различных обстоятельств.

Уложение о наказаниях 1845 г. уже с самого своего появления на свет страдало несколькими недостатками. Среди них особенно выдвигались на вид: казуистичность и некоторая неполнота постановлений, некоторая непоследовательность в проведении принципов и излишнее многословие»¹².

О необходимости изменения Уложения о наказаниях в правительственных кругах официально заговорили через 15 лет со дня его принятия. Как представляется, впервые об этом заявил в 1860 г. управляющий Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии¹³ граф Д. Н. Блудов¹⁴. С учетом занимаемой им должности и авторитета мнение последнего воспринималось почти как официальное. Вскоре Д. Н. Блудов был назначен председателем Государственного совета, сменивший его М. А. Корф в 1862 г. во всеподданнейшем докладе Государю Императору Александру II подробно обосновал необходимость пересмотра всего Уложения о наказаниях уголовных, обусловленную в том числе отменой крепостного права, изменением сословно-правового положения крестьянства, подготовкой к введению качественно новых судов, ограничения применения по Указу 1863 г. телесных наказаний и реформирования исправительных заведений¹⁵. М. А. Корф, в частности, отмечал, что отмена плетей как вида наказания¹⁶ поколебала «до корня все Уложение 1845 г.»¹⁷. По его мнению, произошедшие изменения законодательства затрагивают свыше 500 статей Уложения. Кроме того, по подсчетам Корфа, подготовка судебной реформы, разработка устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, обуславливают исключение из Уложения около 600 статей. «Но и остающаяся затем основная часть Уложения, – пишет М. А. Корф, – не могла быть сохранена в прежнем виде, ибо предпринято совершенное

¹² Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 57.

¹³ Второе отделение указанной канцелярии – высшее государственное учреждение по кодификации законов Российской империи. Создано указом императора Николая I 31 января (12 февраля) 1830 г. Подчинялось непосредственно императору, готовило к изданию и опубликовало Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи (см. подр.: Майков П. М. Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1906).

¹⁴ 23 марта 1861 г. Блудов во всеподданнейшем докладе отмечал необходимость подготовки судебно-полицейского устава, который должен был заменить нормы Уложения о наказаниях, предусматривавшие ответственность за малозначительные деяния. В течение 1862–1863 гг. во Втором отделении канцелярии был выработан проект Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 15 мая 1864 г. он был внесен в Государственный совет, получил высочайшее утверждение 20 ноября 1864 г. в общем составе судебных уставов (см.: О составлении проекта Уголовного уложения Редакционной комиссией под председательством статс-секретаря Фриша. Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 7. С. 46).

¹⁵ По утверждению Н. С. Таганцева, замена, например, арестантских рот исправительно-арестантскими отделениями мало что изменила, но в то же время потребовала внесения изменений в редакцию огромного числа статей Уложения о наказаниях (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. Т. I. С. 218).

¹⁶ Как отмечает А. Г. Тимофеев, телесные наказания оставались «по Положению о крестьянах... как дисциплинарная мера в тюрьмах... для ссыльных... в войсках (для штрафованных и в дисциплинарных батальонах)» (см.: Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. С. 123, 124).

¹⁷ Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. СПб., 1910. С. 14.

⁹ Так, в Указе Правительствующему Сенату от 15 августа 1845 г. говорится: «Мы постановили правилом, чтобы в сей проект, составленный сообразно с системою и разделением общего Свода законов империи, были, без малейшего впрочем отступления от основных начал отечественного законодательства, внесены все нужные, по состоянию гражданского в России общества и нравов, дополнения к существующим узаконениям...» (см.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1845. С. 6).

¹⁰ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 28.

¹¹ См. об этом подр.: там же. С. 28, 29; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. Т. I. С. 221, 222; и др.

преобразование уголовного судопроизводства, а преобразование это во всех государствах влекло за собой необходимость довольно важных изменений в определении и классификации преступлений. По всем этим основаниям трудно и даже едва ли возможно было ограничиться одними частными исправлениями Уложения 1845 г. Предстояло бы пересмотреть его в полном объеме»¹⁸.

Уложение о наказаниях вступило в противоречие с введенной в 60–70-е годы XIX в. кардинальной реформой судебной системы Российской Империи, сменившей систему судов, введенную Учреждениями для управления губерний 1775 г. и частично упрощенную в конце XVIII – первой половине XIX в.¹⁹

Новые основы судостроительства нашли отражение в одном из четырех судебных уставов – Учреждении судебных установлений²⁰. Во-первых, были провозглашены независимость и несменяемость судей, отделение судебной власти от административной. Во-вторых, упразднен сословный принцип формирования судов, вводился всеобщий суд. В-третьих, сокращалось число судебных инстанций, судебные органы ранжировались по значимости рассматриваемых уголовных дел: в подсудность мировой юстиции входили дела о малозначительных преступлениях; подсудность общих судебных мест не ограничивалась рассмотрением дел о преступлениях исходя из их тяжести, ни гражданских дел исходя из цены иска. В-четвертых, мировой суд был выборным, состав общих судебных мест определялся правительством. В-пятых, для рассмотрения уголовных дел в окружных судах вводился институт присяжных заседателей. В-шестых, впервые в Российской Империи учреждалась адвокатура, поскольку без присяжных заседателей «решительно невозможно... введение состязания в гражданском и судебных прений в уголовном судопроизводстве с целью раскрытия истины и предоставления полной защиты тяжущимся и обвиняемым перед судом»²¹. В-седьмых, была реорганизована прокуратура: она оказалась имплементированной в судебную систему, в связи с этим изменены ее задачи.

В процессе подготовки реформы судебной части предлагалось вместе с введением в действие судебных уставов, в частности Устава уголовного судопроизводства, «пересмотреть и законы уголовные»²². Однако это предложение не было реализовано. На практике все свелось к трем основным нововведениям: разработке и утверждению 20 ноября 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; частичному пересмотру ряда положений Уложения о наказаниях в целях согласования двух уголовных законов (по утверждению Н.Д. Сергеевского, это привело к изменению «текста отдельных статей, без всякого приведения их

в соответствие с другими статьями родственного содержания»²³) и изданию отдельных сепаратных актов²⁴.

Указанные и другие противоречия, сохранившиеся в Уложении о наказаниях и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, не могли не сказаться на практике. Ф.Ф. Дудырев обоснованно замечает, что «частичная модернизация Уложения о наказаниях, проведенная в 1857–1866 гг., позволила избавиться от наиболее архаичных положений, содержащихся в уголовном законе. Однако она не коснулась принципов его построения, общих представлений о преступлении и наказании...»²⁵.

Это привело к тому, что в двух уголовных законах, действовавших одновременно, по-разному трактовались, пожалуй, основные уголовно-правовые категории, например возраст наступления уголовной ответственности; повторность и совокупность преступлений, пределы правомочий суда в применении мер ответственности к виновным и др.²⁶

Недостатки Уложения о наказаниях негативно отражались на деятельности суда с участием присяжных. В первую очередь сказывались два взаимосвязанных, но находящихся на разных полюсах единого континуума обстоятельства: во-первых, размытость, неопределенность признаков отдельных преступлений; во-вторых, крайняя детализация, дробность характеристик других составов преступлений. И то и другое либо затрудняло, либо вообще не позволяло корректную постановку вопросов присяжным заседателям. Рассогласованность между общественной опасностью некоторых деяний и предусмотренных за них наказаний (проблемы пенализации деяний) нередко приводила к постановке оправдательных приговоров, несмотря на наличие доказательств виновности подсудимого²⁷.

²³ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 28.

Г.Г. Евангулов отмечает, что переиздание Уложения о наказаниях в 1866 г., «согласованное с мировым уставом и с иными узаконениями “эпохи великих реформ” лишь формальным, внешним образом, не могло, очевидно, устранить все возникавшие на практике весьма значительные затруднения. Не могла их устранить и практика кассационного департамента Правительствующего Сената» (см.: Евангулов Г.Г. Уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.). Текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства и с алфавитным предметным указателем. СПб., 1903. С. 6).

²⁴ См.: Бальбин В.А. Основные тенденции развития уголовного законодательства России в 1861–1881 гг. // Правоведение. 1977. № 3. С. 55, 56; см. также: Колоколов Г.Е. Новое уголовное уложение. Толкование и критический разбор. М., 1904. С. 3, 4.

²⁵ Дудырев Ф.Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII – в начале XX в. Екатеринбург, 2011. С. 258.

²⁶ «Такая раздвоенность одновременно действующих кодексов представлялась особенно вредной еще и потому, что не только общим судебным местам приходилось, независимо от Уложения, применять Устав о наказаниях в случае, например, непризнания... каких-либо квалифицирующих обстоятельств, изменявших подсудность при краже, присвоении, мошенничестве, но равным образом и мировым судьям, помимо Устава о наказаниях, приходилось иногда применять и Уложение» (см.: О составлении проекта Уголовного уложения Редакционной комиссией под председательством статс-секретаря Фриша. Бесподаннейший доклад по проекту Уложения о наказаниях. С. 46).

²⁷ «При разрешении вопроса о вине или невиновности лиц, судимых за важнейшие преступления, — отмечал на общем заседании Государственного совета (19 ноября 1879 г.) Э.В. Фриш, — нередко постановляются оправдательные приговоры. Причина столь ненормального положения кроется частью в суровости постановлений Уложения относительно некоторых преступлений, частью же в отсутствии необходимого для суда простора при выборе наказания. В таких случаях нередко постановляются оправдательные приговоры. Очевидно, что подобные явления, невыгодно отражающиеся на ходе уголовного правосудия и возбуждающие справедливые нарекания, могли бы иметь место, если бы суду предоставлен был больший простор в выборе наказания» (см.: Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. С. 22).

¹⁸ Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. С. 15, 16.

¹⁹ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М., 1987. С. 167.

²⁰ См.: там же. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991. С. 30.

²¹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией: в 3 ч. СПб., 1867. Часть третья. С. 30.

²² Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 243.

Подобные и другие обстоятельства привели комиссию П. Г. Ольденбургского, созданную для рассмотрения деятельности суда с участием присяжных, к тому же выводу, что делались и ранее: «Уложение необходимо и неотложно требует общего пересмотра, дабы привести его в соответствии с новыми судебными учреждениями»²⁸.

Таким образом, «возникновение нового Уложения было обязано общему соглашению о полной непригодности и, как оказалось, дальнейшей нежизнеспособности старого Уложения о наказаниях, и притом не только при оценке его с точки зрения науки права, но и при котировке ценности его постановлений на практической житейской бирже.

Наши ученые-криминалисты и с кафедры, и в литературе единодушно и почти *единогласно* замечали, что Уложение 1845 г. отжило свой век, что оно разошлось с современными принципами, взглядами и чаяниями науки уголовного права, что несостоятельна и даже вредна его карательная система, что велики его грехи с точки зрения практической применимости его постановлений, что старческой немощью парализована юридическая техника его статей»²⁹.

При всей важности собственно юридических причин модернизации уголовного законодательства, не они, как правило, определяют изменение уголовно-правового регулирования. В основе этого процесса лежат иные факторы — социально-экономические, политические, идеологические и др. Уложение о наказаниях 1845 г. по своему содержанию и классовой сущности представляет собой феодально-крепостнический законодательный акт, призванный охранять сложившийся на тот период времени общественный и государственный строй. 19 февраля 1861 г. Государем Императором Александром II были подписаны Манифест об отмене крепостного права³⁰ и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости³¹. Отмена крепостного права сопровождалась реформированием всех сторон жизни российского общества. В частности, были проведены земельная, судебная, военная и финансовая реформы. Таким образом, существенно изменился фундамент, на котором основывалось Уложение о наказаниях. Крестьянская реформа при всей своей ограниченности открыла возможности для более быстрого развития капитализма, о чем свидетельствует в том числе появление монополий в разных отраслях хозяйства: в металлургической и нефтяной промышленности, транспортном машиностроении и др.

В связи с этим специалисты задаются вопросом: почему, признавая объективно существующую необходимость коренного изменения уголовного законодательства, которая была обусловлена российской действительностью пореформенного периода и которая признавалась как Государственным советом, так и Александром II, в 60–70-х годах XIX в. так и не была осуществлена замена Уложения о наказаниях новым уголовным кодексом, отвечающим складывающимся новым социально-политическим и экономическим

реалиям? Приведем две разные точки зрения по этому поводу, чтобы проиллюстрировать сложность разрешения вопроса.

Так, В. А. Бальбин называл две причины сложившейся ситуации с принятием нового уголовно-правового акта: политическую и «чисто юридическую». Суть первой причины заключалась в том, что «отменить Уложение 1845 г. или даже как-то привести его нормы в соответствие с буржуазными принципами Судебных уставов для правящего класса означало не что иное, как утрату своих феодальных функций»; суть второй причины состояла в том, что «все акты и нормы, включаемые в Свод, считались “вечными”, на всякое сколь-нибудь значимое изменение, особенно законов уголовных, требовалось “высочайшее” официальное разрешение». Исходя из этого, В. А. Бальбин пришел к выводу, согласно которому «содержание законодательной деятельности царизма ни политически, ни юридически не могло измениться. Самодержавная власть рассматривала и буржуазные реформы всего лишь как “приложение” к Своду законов... Введение Судебных уставов 1864 г. нарушало установившийся порядок вещей, и поэтому сразу возобладала тенденция сохранения дореформенного судопроизводства»³².

А. А. Пушкаренко придерживался несколько иной точки зрения. По его мнению, при ответе на поставленный вопрос надо исходить из общей оценки направления и темпов развития российской государственности после отмены крепостного права. Преобразования в области уголовного законодательства, осуществленные в первой половине 60-х годов XIX в., несмотря на их ограниченность, в целом носили буржуазный характер. Особенно наглядно это проявилось в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Более того, перемены в сословном строе Российской Империи в определенной степени сказались и на Уложении о наказаниях³³.

В литературе не сложилось единого мнения и по вопросу о том, что же побудило царское правительство начать подготовку нового уложения? В частности, высказано предположение, согласно которому толчком, вынудившим царизм перейти от слов к делу, ускорить разработку нового уголовного закона, явилась революционная ситуация, сложившаяся в Российской Империи в 1879–1880 гг. Именно последнее обстоятельство объясняет стремление законодателя в первую очередь усовершенствовать ту часть прежнего законодательства, которая относилась к области посягательств на государственный строй. Кроме того, существовала необходимость замены Уложения о наказаниях 1845 г.,

³² Бальбин В. А. Указ. соч. С. 58.

³³ «Вместе с тем следует признать, — пишет автор, — что именно в области уголовного законодательства шаг в буржуазном направлении был особенно мал и медленен. Помимо причин иного характера (медлительность работы бюрократического аппарата, необходимость проведения обширных предварительных работ вроде общего пересмотра системы наказаний, реорганизации тюремной системы и др.) это объясняется, по-видимому, особо важным значением именно уголовного законодательства как одного из важнейших средств, обеспечивающих существование наличного общественного и государственного строя. При всей значимости судостроительства и судопроизводства ядром, основой легальной охранительной системы оставалось все же материальное уголовное право. С привычными, хорошо обкатанными его положениями царизм поэтому расставался особо неохотно и лишь тогда, когда сохранение старого в неизменном виде прямо начинало мешать эффективному проведению в жизнь судебно-охранительных акций самодержавия» (см.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 244, 245).

²⁸ Обзорение хода работ по составлению нового уголовного уложения // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 1. С. 274.

²⁹ Таганцев Н. С. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея.

³⁰ См.: Манифест от 19 февраля 1961 г. «О всемиростивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // ПСЗРИ. Т. 36. Ч. 1. С. 128. № 36650.

³¹ См.: Высочайше утвержденное Общее положение от 19 февраля 1861 г. «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» // ПСЗРИ. Т. 36. Ч. 1. С. 141. № 36657.

как уже не отвечающего потребностям Устава о наказаниях 1864 г., новым законодательным актом³⁴.

Вначале отметим некоторые неточности, имеющие в приведенном объяснении мотивов подготовки нового уголовного кодекса. Во-первых, перед законодателем до 1885 г. (т.е. до третьей редакции Уложения) не стояла такая задача, как согласование текстов двух указанных актов с целью «подчинения» Уложения о наказаниях потребностям Устава. Разработка нового уголовного закона не предполагала его параллельного действия с Уставом о наказаниях; предполагалось, что с его принятием и Уложение 1845 г., и Устав 1864 г. утратят силу.

Во-вторых, складывавшаяся революционная ситуация и принятие основополагающего решения о коренном пересмотре Уложения о наказаниях не совпадают по времени. Если первая датируется 1879–1880 гг., то указанное решение было обнародовано еще в июне 1875 г., т.е. не менее чем за четыре года до возникновения революционной ситуации, хотя в то же время нельзя отрицать очевидного обстоятельства: последняя оказала влияние на ход разработки нового уголовного законодательства.

В 1875 г. Государем Императором Александром II «вскоре после возвращения из Бельгии... министру юстиции было поручено заняться подготовкой необходимого для этой цели (т.е. для создания проекта нового уголовного закона. — А. Ч.) материала, в результате чинам судебного ведомства было предписано представить замечания на Уложение и Устав о наказаниях. Следовательно, причины... нужно искать в российской действительности середины 70-х годов»³⁵.

В этот исторический период в Российской Империи фактически в основном завершилось формирование новых классов — буржуазии и пролетариата и, как следствие этого, появление в социальной жизни существенных антагонизмов, порождаемых капиталистической действительностью. В это время, как отмечалось редакционной комиссией, работавшей над проектом нового уголовного закона, проявились два момента, противодействие которым уголовно-правовыми средствами ряда государственных и общественных деятелей представлялось недостаточным. Речь шла о росте преступности и существенном изменении ее структуры³⁶, несоответствии и неполноте законов, охраняющих государственный и общественный строй. «В области посягательства на государство и его строй существенно изменились средства и приемы сих посягательств, а отчасти и само направление преступной деятельности, в силу чего постановления Уложения 1845 г. оказались не соответствующими новым преступным формам скопищ и сообществ, недостаточными для борьбы с социально-революционной пропагандой»³⁷.

Кроме того, отмечалось, что, по оценке редакционной комиссии, весьма значительный интеллектуальный и экономический рост страны «вызывал совершенно новые сложные юридические отношения, создавал ряд новых интересов — частных, общественных, государственных, требующих государственной охраны и защиты, путем наложения

соответствующих взысканий на лиц, посягающих на эти интересы»³⁸.

Таким образом, можно сформулировать вывод о целом комплексе экономических, социальных, политических и собственно юридических причин, обусловивших подготовку нового уголовного закона.

Подготовка нового Уголовного уложения

В литературе второй половины XX в. отмечается, что история подготовки Уголовного уложения не получила надлежащего освещения ни в дореволюционной, ни в советской науке. Все дореволюционные авторы (Г.Г. Евангулов, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.) основывались на официальной версии, изложенной в записке «О составлении проекта Уголовного уложения редакционной комиссией под председательством статс-секретаря Фриша», всеподданнейшего доклада по проекту Уложения о наказаниях и пространном «Обзрении хода работ по составлению Уголовного уложения».

В советской науке изучение Уголовного уложения началось во второй половине 70-х годов. Первые работы по этой теме были подготовлены В.А. Балыбиным, а затем Г.В. Фецычем. Они создали основу для дальнейшего изучения истории уголовного законодательства Российской Империи второй половины XIX — начала XX в. в целом и кодификации русского уголовного права в частности³⁹. Однако следует иметь в виду, что как диссертации указанных авторов, так и все их публикации посвящены вопросам истории права, в них проблемы собственно уголовного права не рассматриваются.

Следует признать, что и в настоящее время исследований, относящихся к Уголовному уложению, принятие которого создало нетривиальную ситуацию, когда одновременно действовали два уголовных узаконения, причем одно из них должно было отменить действие другого, трудно признать удовлетворительным. Библиографию вопроса вряд ли можно признать обширной. Уголовное уложение рассматривается, правда, наряду с другими вопросами в фундаментальных исследованиях А.В. Наумова⁴⁰, Ф.Ф. Дудырева⁴¹, ряде статей указанных авторов, посвященных, как правило, очередному юбилею законодательного акта⁴². В числе других работ следует упомянуть публикации Е.Л. Поцелуева⁴³.

Как явствуют документы, разработку Уложения было решено начать, согласно поручению Государя Императора Александра II, в апреле 1870 г. Министерству юстиции и Второму отделению канцелярии, с подготовки новой системы видов наказаний. Была создана Комиссия, которую возглавил статс-секретарь Министерства юстиции Э.В. Фриш.

Лестница наказаний в Уложении 1845 г., как уже отмечалось, выгодно отличалась от регламентации видов и сроков карательных мер, применяемых к лицам, совершившим преступления, по предшествующим ему узаконениям.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 240.

⁴⁰ См.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1.

⁴¹ См.: Дудырев Ф.Ф. Указ. соч.

⁴² См., напр.: Наумов А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г. // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1993. № 5.

⁴³ См., в частности: Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Правоведение. 2003. № 3/428.

³⁴ См.: Балыбин В.А. К истории Уголовного уложения 1903 г. в России // Вестник ЛГУ. 1977. № 1. С. 124.

³⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 246.

³⁶ См. об этом подр.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.

³⁷ О составлении проекта Уголовного уложения Редакционной комиссией под председательством статс-секретаря Фриша. Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях. С. 51.

Современного криминалиста поражает скрупулезность ее разработки. Достаточно сказать, что лестнице наказаний посвящены 78 статей, которые на первый взгляд образуют стройную систему, охватывающую общую и особенную группы видов наказаний. При этом общие подразделялись на главные, дополнительные и заменяющие; главные, в свою очередь, делились на разряды — уголовные и исправительные. Первые из них объединяли четыре рода наказаний, вторые — семь родов. Некоторые роды наказаний предусматривали виды наказаний, а все роды подразделялись на степени. Таким образом, например, общие виды наказаний охватывали 11 родов и 37 степеней рассматриваемых карательных мер.

Несмотря на такое многообразие наказаний, в лестнице наказаний указывались не все его виды, которые предусматривались Уложением. Так, за ряд деяний были установлены весьма своеобразные меры, которые в общую систему наказаний (например, лишение права наследования, запрет на проживание в населенных православными имениях, лишение христианского погребения и др.) не включались.

Между тем ни такое количество видов наказаний, ни столь их дробное отражение в законе, ни подобное число родов лишения свободы не оправдывались ни теоретически, ни практически, не соотносились с опытом регулирования этого института в зарубежных странах. Наконец, система наказаний, представленная в Уложении, не отвечала финансовым возможностям государства и его потребностям.

В 1873 г. после многочисленных согласований проект лестницы наказаний был внесен на рассмотрение в Государственный совет, но не получил одобрения. Он был отложен до составления проекта нового тюремного устава.

Подготовка реформы мест лишения свободы осуществлялась в течение пяти лет. Комиссия, возглавляемая статс-секретарем К.К. Гротом, представила проект об организации системы исполнения наказаний в ноябре 1878 г. В феврале 1879 г. Государственный совет приступил к его обсуждению, одновременно рассматривался и отложенный проект о лестнице наказаний. Решение вновь было отрицательным⁴⁴.

В ноябре 1879 г. вновь встал вопрос о новом уголовном законении. Э.В. Фриш отмечал, что к этому времени вся система наказаний, предусмотренная Уложением 1845 г., фактически была полностью разрушена. «Важнейшие из видов наказаний, определенных Уложением в действительности, вовсе не существуют. Каторжные работы заменялись содержанием присужденных к ним в центральных тюрьмах. Ссылка на поселение в Сибирь пришла в окончательное расстройство и утратила свой карательный характер. Содержание в смиренных и рабочих домах и в тюрьмах сводилось на деле к одному только наказанию — заключению в тюрьме, которое, при совершенной праздности арестантов, скорее способствовало окончательной их порче, чем исправлению»⁴⁵. По действующему законодательству

⁴⁴ «Государственный совет встретил сомнения в том, есть ли надобность и возможность утвердить все подробности предполагаемой системы наказаний. В этом отношении Государственный совет пришел к заключению, что следует установить в общих чертах те главные типы карательных учреждений, к устройству которых нужно безотлагательно приступить путем тюремной реформы. Что же касается установления полной Лестницы наказаний, то Государственный совет признал эту меру преждевременной» (см.: Обозрение хода работ по составлению нового уголовного уложения. С. 274).

⁴⁵ Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. С. 21.

суд был лишен возможности индивидуализировать наказание, проявить снисхождение к преступнику.

Государственный совет согласился с приведенными доводами, приняв решение приступить к общему пересмотру Уложения 1845 г. В связи с этим 11 декабря 1879 г. Государь Император Александр II поручил Министру юстиции Д.Н. Набокову и главноуправляющему Вторым отделением канцелярии князю С.Н. Урусову составить план работ по подготовке нового уголовного узаконения. Этот план был сформирован к 22 апреля 1881 г. Представленный Набоковым и Урусовым его императорскому величеству он в этот же день был утвержден Государем Императором Александром III.

Помимо содержательных аспектов план предусматривал ряд организационных мер, без принятия которых невозможно было выполнить поручение Государя Императора. Во-первых, необходимо было создать особый Комитет «из лиц, близко знакомых с теорией уголовного права и судебной практикой». Согласно Высочайшему повелению в него вошли 14 человек. Во-вторых, Комитет по согласованию с Государем Императором из своего состава должен был избрать Редакционную комиссию (ее возглавил Э.В. Фриш, к этому времени уже перешедший из Министерства юстиции на службу в Государственный совет). На Редакционную комиссию возлагалась обязанность составить проект уложения и пояснительную записку к нему.

Подготовленные Комиссией документы подлежали рассмотрению Комитетом. Доработанный последним проект подлежал опубликованию и направлению на заключение заинтересованным ведомствам. По истечении четырех месяцев со времени рассылки законопроекта Комитет должен был обобщить и обсудить все поступившие на него отзывы, а затем внести исправленный вариант в Государственный совет.

Параллельно с работой над проектом нового кодекса Комитету поручалось произвести ревизию действующего уголовного законодательства и представить предложения «о необходимости пересмотра... статей Свода законов, изменение или отмена коих будут вызваны постановлением проекта»⁴⁶.

Состав Редакционной комиссии отвечал требованиям, сформулированным в плане по подготовке проекта Уложения. Ее члены были не только известными учеными, но и признанными юристами-практиками. В состав Комиссии вошли представители Министерства юстиции, Второго отделения, Первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената, известные ученые-криминалисты: Э.В. Фриш (председатель); старшие чиновники Второго отделения В.К. Саблер⁴⁷ и Е.Н. Розин; юрист-консульт Министерства юстиции В.Р. Лицкой⁴⁸; обер-секретарь Первого и Кассационного департаментов барон Э.Ю. Нольде (секретарь); профессора Санкт-Петербургского университета Н.С. Таганцев⁴⁹ и И.Я. Фойницкий⁵⁰;

⁴⁶ Там же. С. 26.

⁴⁷ Имел степень магистра, в 1872 г. защитил диссертацию на тему «О значении давности в уголовном праве», читал лекции в Московском университете.

⁴⁸ В его переводе и под его редакцией в России была опубликована работа Р. фон Иеринга «Цель в праве».

⁴⁹ Служил в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената.

⁵⁰ Служил в том же департаменте, что и Н.С. Таганцев.

профессора Александровской Военно-юридической академии Н.А. Неклюдов⁵¹ и В.К. Случевский⁵².

Таким образом, Редакционная комиссия была сформирована, по сути, из равного представительства практиков и ученых, что в определенной степени уже само по себе обеспечивало выполнение требований, изложенных в повелении Государя Императора от 30 апреля 1881 г. Комиссии надлежало, во-первых, «сообразовать свой труд с потребностями современного состояния государства»; во-вторых, согласовать проект «с положениями науки уголовного права и с новейшим законодательством иностранных государств»; в-третьих, принять во внимание «указания опыта по применению действующих законов»⁵³.

За год работы Редакционная комиссия в целом завершила составление проекта общей части уложения и объяснительную записку к нему. Генератором многих идей и их реализации по этому разделу являлся Н.С. Таганцев⁵⁴.

Все документы, относящиеся к проекту общей части Уложения, были отпечатаны и направлены в Правительствующий Сенат, окружные суды, судебные палаты, органы прокуратуры. К рецензированию проекта были привлечены профессорско-преподавательский состав ряда университетов, члены юридических обществ и даже известные ученые зарубежных стран.

Редакционная комиссия заседала один раз в две недели. Всего было проведено 51 заседание: на 25 из них обсуждался первый вариант проекта общей части уложения, на 26 — замечания и предложения, поступившие из окружных судов, судебных палат, губернских прокуроров, президентов Курляндского и Лифляндского обер-гофгерифтов (гофгерифты — суды второй инстанции). Все поступившие материалы были систематизированы и вошли в состав Материалов для пересмотра нашего уголовного законодательства⁵⁵.

Публикации российских ученых-криминалистов (Н.И. Арефы, П.Д. Калмыкова, А.В. Лохвицкого, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого и др.), посвященные критическому анализу действовавших Уложения 1845 г. и Устава о наказаниях, а также их видению

⁵¹ Служил в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената.

⁵² Последовательно занимал должности товарища (заместителя. — А. Ч.) прокурора в Воронежском и Санкт-Петербургском окружном судах, товарища председателя Петербургского окружного суда, товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената, обер-прокурора этого же департамента.

⁵³ О составлении проекта Уголовного уложения Редакционной комиссией под председательством статс-секретаря Фриша. Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях. С. 51, 52, 55.

⁵⁴ По утверждению Н.И. Загородникова, «он проделал титанический труд: составил проект и объяснительную записку к Общей части уложения, которые были направлены на отзыв отечественным практикам и теоретикам, и, кроме того, перевел их на немецкий и французский языки, разослав многим иностранным ученым. Полученные отзывы и замечания учитывались автором, после чего обсуждались на заседаниях редакционной комиссии. Окончательный вариант проекта Общей части Уголовного уложения и объяснительной записки был подготовлен единолично Н.С. Таганцевым к августу 1884 г., и он составил первый том восьмитомных Объяснений к проекту уложения» (см.: *Загородников Н.И.* Николай Степанович Таганцев: вступительный очерк // Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: часть общая: в 2 т. / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. IX).

⁵⁵ См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Т. 3: Замечания чинов судебного ведомства на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 1880—1881. СПб., 1881.

концепции нового уголовного Кодекса, ее структурных элементов, криминализации и пенализации деяний, в целом карательной системы были сведены в т. 4 указанных Материалов⁵⁶. Результаты рецензирования проекта общей части Уложения, осуществленного немецкими учеными⁵⁷, вошли в т. 5 Материалов⁵⁸.

Все замечания обстоятельно изучались, а затем рассматривались на заседаниях Редакционной комиссии. «Обращаясь к данным иностранных законодательств и науки уголовного права, Комиссия искала в них по преимуществу средства для проверки правильности усвоенных ею воззрений, масштаб для оценки данной ею формулировки отдельным понятиям, а не тот непосредственный материал, который мог бы быть прямо перенесен в наше законодательство. Комиссия была при этом проникнута сознанием необходимости избежать одной из ошибок составителей Уложения 1845 г., несоответственное отношение коих к иноземным источникам было несомненно одной из причин недостатков этого кодекса»⁵⁹. При этом Комиссия, работая над проектом Уложения, «имела руководящей мыслью... сохранить преемственное развитие начал, нашедших себе выражение в нашем старом своде законов, согласовать их с требованиями и условиями современной жизни и проверить указаниями науки и западноевропейской практики»⁶⁰.

Итоговый вариант проекта общей части Уложения (дополненный и переработанный) был готов к августу 1884 г. «Начав работу с 22 октября 1881 г. по 1885 г., т.е. в три года, комиссия уже подготовила и рассмотрела почти две трети нового Уложения и при том наиболее важные его отделы: общую часть, личные преступления и преступления имущественные...»⁶¹.

Разработка проекта особенной части Уложения растянулась на 13 лет (1886—1897). Это объясняется, в частности, тем, что деятельность Редакционной комиссии существенно замедлилась. Сказались два момента: изменение общественно-политической ситуации в стране; возобладание в политике царского правительства охранительно-консервативных тенденций⁶². «С 1885 г. работы Комиссии хоть и продолжались непрерывно, но уже не с той энергией; в течение этого времени были постепенно рассмотрены проекты остальных частей. Полученные замечания⁶³ рас-

⁵⁶ См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Т. 4: Замечания отечественной литературы на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1881.

⁵⁷ Одним из составителей австрийского уголовного Уложения В.Э. Вальбергом, специалистом по философии права А. Гейер, исследователем тюремной системы отбывания лишения свободы Ф. Гольцендорфом, ярким представителем социологического направления в уголовном праве Ф. Листом, представителем социологического юридического позитивизма А. Меркелем, специалистом по уголовному праву Т.Р. Шютце и др.

⁵⁸ См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Т. 5: Системы распределения преступных деяний в науке и законодательствах. 1881. СПб., 1883.

⁵⁹ О составлении проекта Уголовного уложения Редакционной комиссией под председательством статс-секретаря Фриша. Всеподданнейший доклад по проекту Уложения о наказаниях. С. 53.

⁶⁰ Там же. С. 55.

⁶¹ Таганцев Н.С. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея.

⁶² См. об этом подр.: Дудырев Ф.Ф. Указ. соч. С. 265.

⁶³ Объем замечаний (как отражение полноты и всесторонности оценки проекта, заинтересованности в качественном законодательном

сматривались и сообразно сему перерабатывались и проекты; вместе с тем последовательно рассматривались и исправлялись проекты ранее пройденных частей»⁶⁴.

В 1895 г. работа над проектом Уложения в целом была завершена. В мае того же года законопроект и восемь томов пояснительной записки к нему Редакционной комиссией были переданы в Министерство юстиции. Документам требовалось пройти согласование в различных ведомствах, поэтому они были направлены всем министрам и главноуправляющим. На основе полученных отзывов предполагалось проект еще раз доработать, а затем внести на рассмотрение Государственного совета «с изложением соображений по замечаниям ведомств и объяснений тех разномыслий, которые могли бы представиться по содержанию постановлений...»⁶⁵.

На согласование проекта было отведено четыре месяца. Однако эта работа затянулась на три года (с июня 1895 по 1897 г.). Все ведомства, исходя из предмета ведения, представили возражения и дополнения по отдельным постановлениям, не затрагивавшие положительно оцениваемые ими основные начала законопроекта. Наиболее подробными, развернутыми были замечания министерств иностранных дел, внутренних дел, финансов, государственных имуществ, военных дел, а также Святейшего Синода.

Доработкой проекта наряду с руководством Министерства юстиции занимались Фриш, Неклюдов, Нольде, Таганцев и Фойницкий. В частности, им предстояло изменить архитектуру особенной части проекта Уложения. Святейший Синод не был согласен с тем, что разработчики законопроекта главу «О нарушении ограждающих веру постановлений» поместили после главы «О посягательствах на союз семейный». В итоге эта глава была помещена перед главой «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», тем самым она открывала особенную часть Уложения. Как замечает Г.В. Фецыч, этим подчеркивался высокий статус Церкви в системе государственного устройства Российской Империи⁶⁶.

14 марта 1898 г. согласованный проект был представлен на рассмотрение Государственного совета. 3 июня того же года распоряжением Государя Императора для дальнейшей работы над ним было образовано Особое совещание при Государственном совете, в состав которого вошли высшие государственные чиновники: министр юстиции Н.В. Муравьев, государственный секретарь В.К. Плеве, члены Государственного совета В.В. Верховский, М.Н. Галкин-Враской, Н.Н. Герард, И.Я. Голубев, С.А. Мордвинов, И.И. Розинг, А.А. Сабуров, И.И. Шамшин, сенаторы Ю.М. Бутовский и Н.С. Таганцев. Особое совещание исходило из того, что «новый уголовный кодекс должен восстановить исчезнувшее соответствие карательного закона современным требованиям жизни. Задача... сводится

продукте) впечатляет: по проекту глав о преступлениях против личности они составили три объемных тома; о преступлениях имущественных — два тома; о преступлениях против порядка управления, о подделке монеты, подлогах и преступлениях по службе — три тома (см.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 251).

⁶⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. Т. 1. С. 226.

⁶⁵ Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. С. 32.

⁶⁶ См.: Фецыч Г.В. Реакционная сущность системы преступлений и наказаний по Уголовному уложению 1903 г. и практики его применения: дис. ... канд. юрид. наук. Львов, 1984. С. 47.

к разрешению вопросов о том, исчерпываются ли определениями предначертанного уголовного кодекса все виды современной преступности и достаточно ли целесообразно, в интересах охранения государственного порядка и духовных и материальных благ населения, установлены в новом Уложении общие начала уголовной ответственности и меры взыскания за каждый отдельный вид преступных действий»⁶⁷.

Особое совещание рассматривало проект в течение двух лет. В.А. Бальбин отмечает, что острые дискуссии разворачивались по ряду вопросов, например по поводу включения в систему наказаний ссылки. В конечном счете было принято компромиссное решение: ссылка на поселение и на житье в Сибирь и Закавказье в качестве общего наказания была исключена из проекта, она осталась только в виде исключительного наказания за совершение некоторых государственных и религиозных преступлений.

Много споров вызывали: а) исполнение Закона «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых», предусматривавшего отбывание указанными лицами наказания в специальных учреждениях; б) введение одиночного заключения в отношении лиц, «не определившихся еще окончательно и не вполне еще испорченных»; в) включение в особенную часть раздела о преступлениях против имущества и доходов казны; г) меры по пресечению нарушений, возникающих при открытии предприятий; д) ужесточение наказаний за самовольную разработку природных ресурсов; е) противодействие проституции и алкоголизму; ж) меры дисциплинарной и уголовной ответственности чиновников за упущения и злоупотребления по службе и др.⁶⁸ По результатам обсуждений проект Уложения был дополнен двумя главами, число статей увеличилось с 594 до 666. Это, в свою очередь, повлекло за собой поручение Министерству юстиции привести действующие акты «в должное соответствие с новым Уголовным уложением и свои по сему предмету предложения представить столь одновременно, чтобы они могли быть утверждены ко времени приведения... уложения в действие»⁶⁹.

6 ноября 1901 г. Государь Император Николай II учредил Особое присутствие соединенных департаментов Государственного совета, ставшее следующей инстанцией, обсуждавшей проект уложения. Его председателем был назначен статс-секретарь К.И. Пален. От Редакционной комиссии в состав Особого присутствия был единолично включен Н.С. Таганцев, выступавший в качестве первоприсутствующего Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. «Связующим звеном между особым совещанием и присутствием был тайный советник Харитонов, на которого было высочайше возложено также делопроизводство особого присутствия»⁷⁰.

Особое присутствие в целом высоко оценило проект Уложения. Отметив, что «законы уголовные оказывают громадное влияние на народную жизнь», поэтому при криминализации и пенализации деяний следует учитывать, что «постановления их (уголовных законов. — А.Ч.),

⁶⁷ Уголовное уложение. Проект, исправленный по заключениям Особого совещания. СПб., 1900. С. 7.

⁶⁸ См.: Бальбин В.А. Уголовное уложение Российской империи 1903 г.: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 87–96.

⁶⁹ Журнал высочайше утвержденного Особого совещания при Государственном совете для предварительного рассмотрения проекта Уголовного уложения. СПб., 1901. С. 537.

⁷⁰ Евангулов Г.Г. Указ. соч. С. 17.

с одной стороны, могут оказаться недостаточными для необходимого ограждения государства, общественного быта и прав частных лиц, с другой — могут слишком расширить область караемых запрещений и тем стеснить правильное развитие общественной жизни, направленной к достижению как духовных, так и материальных благ». Уголовное законодательство лишь тогда способно выполнить свое социальное назначение, быть эффективным, объективным и справедливым средством охраны общественного бытия, когда «в целесообразной системе запрещений находят себе достаточное обеспечение все главнейшие условия безопасности государственной, общественной и личной и когда в то же время запрещенные эти не ограничивают без надобности область свободной деятельности населения. Поэтому одна из главных целей нового Уголовного уложения должна заключаться в достижении возможно полного соответствия между уголовными запрещениями, с одной стороны, и условиям действительной жизни — с другой... Лестница наказаний, являясь орудием, которым государство ведет борьбу с преступностью, должна удовлетворять многим условиям: заключающиеся в ней наказания, содействуя исправлению лиц, впадших в преступления, должны, вместе с тем, устрашать всех помышляющих вступить на путь преступности; в то же время они должны отвечать чувству справедливости; не будучи жестоки, они не должны, однако, своей слабостью возбуждать представления о легкости последствий преступных деяний»⁷¹.

В течение декабря 1901 г. и по май 1902 г. было проведено 15 заседаний Особого присутствия. Как заметил В.А. Балыбин, эта инстанция, по сути, без изменений исползовала выводы Особого совещания. Последние лишь обростали новыми проблемами, которые вытекали не столько из противоречивости суждений членов Особого присутствия, сколько из противоречий самой социальной действительности⁷².

Особое присутствие признало проект уголовного Уложения соответствующим требованиям науки и практики.

10 февраля 1903 г. проект нового кодекса одобрило общее собрание Государственного совета. При этом 17 вопросов, по которым не было достигнуто согласия, были переданы на разрешение Государя Императора⁷³.

22 марта 1903 г. Государь Император Николай II утвердил Уголовное уложение Российской Империи. В специальном Указе Правительствующему Сенату отмечалось: «Мы пребываем в твердой уверенности, что закон этот, разграничивая область воспрещенного и дозволенного и противодействуя преступным посягательствам, послужит... охране гражданского порядка и укреплению в народе чувства законности, которое должно быть постоянным

⁷¹ Журнал Особого совещания Государственного совета, высочайше учрежденного для обсуждения проекта Уголовного уложения. СПб., 1902. С. 7, 8.

⁷² См.: Балыбин В.А. Уголовное уложение Российской империи 1903 г.: дис. ... канд. юрид. наук. С. 102.

⁷³ В их число вошли вопросы о формах ответственности «преступников-тунеядцев»; об ответственности признанных по суду невменяемых, несовершеннолетних от 14 до 17 лет; о включении в текст проекта понятий видов прикосновенности к преступлению (попустительства, укрывательства, недонесения) и ответственности за их совершение; о включении институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения; о формах ответственности подданных Российской Империи, совершивших преступления за ее пределами; об усилении ответственности за убийство должностных лиц и членов их семей и др.

руководителем каждого как отдельно, в кругу его личной деятельности, так и в совокупном составе сословий и обществ»⁷⁴.

Указ не содержит данных о времени и порядке вступления в силу Уголовного уложения. Государь Император Николай II решение этого вопроса поручил Правительствующему Сенату, однако введение в действие кодекса в полном объеме так и не было осуществлено; естественного логического завершения работа, длившаяся на протяжении почти 22 лет⁷⁵, не получила.

Как указывает А.А. Пушкаренко, теоретически и практически были возможны два варианта введения Уголовного уложения в действие. Причем каждый из них обладал как несомненными достоинствами, так и аналогичными недостатками. Согласно первому варианту, закон можно было ввести в действие в полном объеме в относительно короткий срок после его утверждения; второй вариант предполагал поэтапное введение отдельных глав и статей. Власть предпочли второй вариант, придавая силу отдельным главам Уложения⁷⁶. Причем «вводились в действие лишь те части Уголовного уложения, которые могли стать орудием в борьбе против народных масс и их политических руководителей, а также те его части, которые были для самодержавия безразличны в политическом отношении и восполняли пробелы действующего уголовного законодательства»⁷⁷.

Законами от 14 марта 1906 г. была введена в действие гл. 2 о религиозных преступлениях; от 27 марта 1906 г. — постановления, относящиеся к контрабанде; от 25 декабря 1909 г. — часть постановлений гл. 27 о непотребстве и ст. 500; от 20 марта 1911 г. — постановления о нарушении авторских прав.

15 марта 1905 г. Министр юстиции С.С. Манухин вошел с ходатайством в Государственный совет о введении в действие Уголовного уложения в полном объеме. Оно рассматривалось на объединенном заседании департаментов Государственного совета и на общем собрании. В обоих случаях сторонники введения Уголовного уложения в полном объеме были в большинстве (соответственно 32 против 3 и 66 против 10).

По мнению противников подобного шага, существовало несколько препятствий приданию Уголовному уложению законной силы. К их числу они относили следующие: волеизъявление судов и судебно-административным учреждениям, созданным вместо мировых судов, были присущи существенные недостатки, в связи с чем их нельзя было наделять

⁷⁴ См.: СУ. 1903. Отд. I. № 38, ст. 416.

⁷⁵ 23 марта 1903 г. Государь Император Николай II согласился с мнением Государственного совета (написав «быть по сему») о дополнении соответствующих законодательных актов: об ответственности за преступные деяния, совершенные иностранными подданными за пределами территории России; о содержании лиц в каторжных тюрьмах, исправительных домах и крепостях; об освидетельствовании лиц, приговоренных к заключению в исправительном доме или тюрьме; о переводе преступников из каторги на поселение и др. (см.: Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., с приложением предметного алфавитного указателя. СПб., 1903. С. 5, 6).

⁷⁶ Некоторые авторы полагают, что работы над проектом Уголовного уложения продолжались более 30 лет (см., напр.: Дудырев Ф.Ф. Указ. соч. С. 274; Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России. Якутск, 2003. С. 222). Однако это утверждение противоречит нормативно определенному периоду его разработки, начавшемуся в 1881 г.

⁷⁶ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 264, 265.

⁷⁷ Фецыч Г.В. Указ. соч. С. 182.

широкими карательными полномочиями⁷⁸; недопустимым представлялось оставление в силе прежних уголовных законов для земских начальников и волостных судов; требовалось обеспечить единство судебной системы Российской Империи и равенство перед судом лиц всех состояний; неготовность судебно-исполнительной системы к реализации лишения свободы в условиях перехода от казарменного содержания арестантов к содержанию в одиночных камерах и исправительных домах.

Государственный совет решил передать решение вопроса о введении Уголовного уложения в полном объеме на усмотрение Государя Императора. Николай II поддержал мнение меньшинства, придание уголовному кодексу установившимся в полном объеме было отложено до завершения реформирования местных судов.

Вторая попытка введения в действие Уголовного уложения в полном объеме, предпринятая Министерством юстиции в 1908 г., также оказалась безуспешной. Совет министров отклонил законопроект по тем же основаниям, что и Государь Император Николай II.

Между тем, как полагал Н.С. Таганцев, можно было решить указанную проблему, предприняв следующие меры: 1) немедленно изготовить законопроект о введении в действие тех частей и статей Уложения 1903 г. и провести его установленным порядком по законодательным инстанциям; 2) собрать все законоположения, вступившие в силу после 1902 г., переработать те из них (причем не по существу, а по формальным моментам, сообразуясь с требованиями структуры кодекса), которые подлежат внесению в Уголовное уложение; 3) санкции статей законодательных актов привести в соответствие с гл. I Уложения, затем эти статьи разместить по соответствующим главам кодекса, придав им надлежащую нумерацию; 4) приступить к пересмотру уже введенных в действие глав и статей, которые «тесно сопрягаются с нашим обновленным государственным строем, которые частью по их изложению, а еще более по существу, несогласны, а иногда противоречат этому строю»⁷⁹.

В 1910 г. вопрос о введении в действие Уложения 1903 г. по предложению М.П. Чубинского был внесен в повестку Общего собрания (съезда) Русской группы Международного съезда криминалистов, состоявшегося в Москве. Однако эта инициатива участниками съезда не была поддержана. М.Н. Гернет, А.Н. Трайнин и другие ученые вместо этого предложили приступить к разработке нового уголовного кодекса. В результате собрание приняло компромиссное решение, которое, однако, никак не сказалось на практической реализации ни одного из обсуждавшихся предложений⁸⁰.

В заключение отметим, что опыт разработки Уголовного уложения уникален. Об этом свидетельствуют его концептуальные основы, вобравшие в себя достижения как отечественной доктрины уголовного права, так и наиболее передовые уголовно-правовые воззрения западноевропейских ученых, в частности немецких криминалистов; участие широкой юридической общественности, в первую очередь практиков, в его обсуждении и дополнении, апробирование законопроекта у зарубежных экспертов. Такой

подход к подготовке и принятию уголовно-правовых актов был бы целесообразен и в Российской Федерации.

Общая характеристика Уложения

В первоначальном варианте Уголовное уложение состояло из 37 глав, объединявших 687 статей. Формально оно не было разделено на общую и особенную части, хотя фактически структура кодекса отвечает всем требованиям пандектного построения уголовного закона: все нормы Общей части интегрированы в гл. I (72 статьи), остальные же 36 глав (615 статей) охватывают нормы Особенной части.

Глава I «О преступных деяниях и наказаниях вообще» содержит восемь отделений. Ее структура и ныне выглядит актуальной, отвечающей требованиям законодательной техники. Отделение I «Положения общие» содержит статьи о преступлении и наказании. Открывается оно понятием преступного деяния. Согласно ст. 1 «преступным признается деяние, воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания». Из данной дефиниции вытекают два вывода: первый — в основе Уложения лежит принцип «нет преступления без указания о том в законе»; второй — оговорка о времени совершения преступления, отсутствовавшая в предыдущих законодательных актах, свидетельствует о темпоральном действии уголовного закона.

Уложение предусматривает три категории деяний в зависимости от тяжести предусмотренного в законе наиболее строгого наказания. Выделяются тяжкие преступления, преступления и проступки (ст. 3). Первая категория называется смертной казнью, каторгой или ссылкой на поселение; вторая категория — содержанием в исправительном доме, крепости или тюрьме; третья категория — арестом или денежной пеней⁸¹. Категоризация преступлений имеет значение для решения ряда вопросов (о виновности, стадиях, соучастии, ответственности несовершеннолетних и др.).

В Уголовном уложении не дается понятия наказания, существенно сокращено число его видов. В ст. 2 Уложения в качестве таковых указаны: смертная казнь, каторга, ссылка на поселение; заключение в исправительном доме, заключение в крепости, заключение в тюрьме, арест, денежная пеня. Характеристика каждого из них дается в отд. 3 Уложения (ст. 15–38). Таким образом, по сравнению с Уложением 1845 г. система наказаний была значительно упрощена, хотя при этом следует обратить внимание на оставшийся усложненным характер системы лишения свободы.

Нормы отд. 2 «О пространстве действия Уголовного уложения» в закон вошли в той редакции и последовательности, в какой они были приняты Особым совещанием при Государственном совете. В ст. 4 говорится о распространении действия Уложения на территории всей Российской Империи; в ст. 5 закреплены исключения из общего правила действия закона в пространстве; ст. 6–8 регламентируют ответственность за совершение деяний за пределами

⁷⁸ См. подр.: Уголовное уложение с изложением рассуждений, на которых оно основано. С. 45.

⁷⁹ Таганцев Н.С. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея.

⁸⁰ См. об этом подр.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. Ч. I. С. 344.

⁸¹ По утверждению А.Д. Марголина, «трехчленное деление было впервые создано французским кодексом 1810 года по соображениям чисто практического свойства. Тройственность преступных деяний соответствует во Франции тройственности судебных инстанций... Вводя трехчленное деление в новое Уголовное уложение, редакторы последнего руководствовались исключительно соображениями технического удобства. Главное основание, оправдывающее такое деление, — соответствие трех категорий преступных деяний различным категориям судебных инстанций — у редакторов отсутствовало, ввиду особенных условий, принятых в нашем судостроении для подсудности уголовных дел» (см.: Марголин А.Д. Основные черты нового уголовного Уложения. Критический очерк с предисловием профессора Лионского университета Р. Гарро. Киев, 1907. С. 18).

Российской Империи, а ст. 9–12 предусматривают ограничения ответственности в ситуациях, предусмотренных указанными статьями. Две последние статьи (13 и 14) этого отделения содержат правила выдачи (экстрадиции) преступников и применение закона к лицам, совершившим преступления до принятия Уголовного уложения⁸². Заметим, что правила об обратной силе уголовного закона мало чем отличаются от аналогичных положений, закрепленных в Уголовном кодексе РФ.

Отделение 4 «Об условиях вменения и преступности деяний» (ст. 39–47) посвящено ряду обстоятельств: невменяемости, возрасту наступления уголовной ответственности, невиновному причинению вреда, обстоятельствам, исключающим преступность деяния, т.н. негодному покушению. Их регламентация, как представляется, не только соответствовала доктрине уголовного права второй половины XIX – начала XX в., но и создала прочный научный фундамент для дальнейшего совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм. Так, определение невменяемости (ст. 39) только в деталях отличается ее дефиниции в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. В Уголовном уложении отражаются три признака невменяемости: темпоральный («время учинения» деяния); юридический (лицо «не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками») и медицинский (болезненное состояние душевной деятельности, бессознательные состояния, умственное неразвитие от телесного недостатка или болезни) критерии.

О возрасте уголовной ответственности в законе упоминается несколько раз. Во-первых, говорится о нижнем возрастном пределе, составляющем 10 лет. При этом в законе была закреплена норма, которую можно признать прообразом ч. 3 ст. 20 УК РФ, о т.н. возрастной невменяемости. В ст. 41 Уложения сказано: «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, который не мог понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками». Лица в возрасте от 14 до 17 лет могли привлекаться к уголовной ответственности только в случае совершения ими тяжкого преступления; они помещались преимущественно в воспитательно-исправительные заведения, а при отсутствии такой возможности – «в особо приспособленные для несовершеннолетних помещения при тюрьмах или арестных домах».

Обстоятельствами, исключающими преступность деяния, по Уголовному уложению признавались: исполнение закона; исполнение приказа по службе, отданного с соблюдением

⁸² Положение об обратной силе уголовного закона внесено не в закон о введении в действие Уголовного уложения, как предлагали некоторые криминалисты, а в сам кодекс. Из этого можно заключить, что оно имеет не временный характер, его значение сохранится и на будущее, на случай издания новых уголовно-правовых запретов. «Начало, выраженное в этом постановлении, не только преемственно соблюдалось в нашем законодательстве, но и представляется вполне целесообразным и едва ли не единственно практически возможным, так принятие обратного начала, по коему всегда применяются законы прежние и только в виде исключения законы новые, уменьшающие ответственность, – неминуемо привело бы к целому ряду практических недоразумений и затруднений, особенно при столь существенном изменении не только лестницы наказаний, но и всей конструкции уголовных законов, какое внесено уголовным уложением» (см.: *Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 26).

установленных правил; необходимая оборона; крайняя необходимость⁸³; т.н. покушение на негодный объект⁸⁴.

Два обстоятельства в Уложении следует выделить особо: «Не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить» (ст. 42); «Неведение обстоятельства, коим обуславливается преступность деяния или которое усиливает ответственность, устраняет вменение в вину самого деяния или усиливающего ответственность обстоятельства» (ст. 43). По нашему мнению, речь идет о невиновном причинении вреда.

При оценке любого кодифицированного законодательного акта обращается внимание на закрепленные в нем дефиниции умысла и неосторожности. Это обусловлено тем, что вина имеет не только уголовно-правовое, но и общеправовое и философско-этическое значение⁸⁵, «проблема вины есть проблема нравственно-правовой оценки антиобщественного поведения, осуществляемая нормативными средствами»⁸⁶. Согласно ст. 48 Уложения «преступное деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность деяния» (ч. 1); «преступное деяние почитается неосторожным не только когда виновный его не предвидел, хотя мог или должен был оно предвидеть, но также когда он хотя и предвидел наступление последствий, обуславливающих преступность сего деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратить» (ч. 2)⁸⁷. Несомненно, характеристика умысла и неосторожности по Уголовному уложению существенно отличается от их определения по Уложению о наказаниях, содержит признаки ряда моментов. Однако следует признать, что в целом, правильно отразив в норме существенные аспекты умысла, законодатель, например, волевые моменты в одном случае отнес к деянию, в другом – к последствиям; по отношению к неосторожности – возможность и долженствование предвидения последствий разделил между собой, посчитав, что наличие хотя бы одного из этих признаков достаточно для неосторожной формы вины. Но даже при таких обстоятельствах, как отмечается в литературе, «уровень законодательной расфировки содержания принципа виновности (в первую очередь определение умысла и неосторожности, условий наказуемости за неосторожные преступные деяния, а также законодательная техника формирования указанных правил) превосходил

⁸³ Этот термин в ст. 46 Уложения не употребляется, однако характеристика обстоятельства свидетельствует о данном его виде.

⁸⁴ В законе говорится о предмете; скорее всего на формулировке сказались споры о сути объекта и предмета преступления, которые велись теории уголовного права в период разработки законодательного акта. Следует заметить, что покушение с негодными средствами указано в другой норме.

⁸⁵ См. подр.: *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

⁸⁶ *Назаренко Г.В.* Вина в уголовном праве. Орел, 1996. С. 3.

⁸⁷ «Оба эти вида умысла заключают в себе оба основных момента, т.е. сознание и хотение, но в определении второго вида умысла – преступного безразличия, в уложении сделано указание на оба условия, а в определении первого вида – умысла прямого, указание на сознание не содержится, ибо таковое предполагается наличностью желания. Но само собою разумеется, что и в этих случаях суд должен сначала установить наличность сознания, а затем определить и направление воли действовавшего» (см.: *Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. С. 93, 94).

уровень соответствующих определений в уголовном законодательстве западноевропейских стран начала XX в.»⁸⁸

Уголовное уложение в качестве стадий преступной деятельности выделяет приготовление и покушение (в литературе выделялись еще две стадии — оконченное преступление и обнаружение умысла; последнее признавалось наказуемым только в том случае, если выступало преступлением, совершаемым вербально). Так, покушением признается деяние, которым начинается приведение в исполнение преступления, совершение которого желал виновный, но недоведенного («не довершенного») до конца по обстоятельствам, не зависящим от его воли (ст. 49). Следует отметить, что Уложение 1903 г. не восприняло существовавшее в Уложении о наказаниях различие покушения по степени близости к моменту окончания преступления, а также деление покушения на оконченное и неоконченное.

Наказуемость покушения зависит от категории преступления, но наказание в любом случае подлежит смягчению (ст. 53 Уложения); покушение на проступки не влекло уголовной ответственности. Ненаказуемым признавалось и покушение с негодными средствами, выбранными «по крайнему невежеству или суеверию».

Приготовление к преступлению в соответствии со ст. 50 Уложения означает приобретение или приспособление средства для приведения в исполнение умышленного деяния⁸⁹. Его наказуемость являлась исключительной, каждый раз об этом в законе содержалось специальное указание.

Понятия «соучастие» Уголовное уложение не содержит, в ст. 51 выделяются виды соучастников и закрепляются правила их наказуемости. В числе таковых закон называет: 1) исполнителя — лицо, которое непосредственно учинило преступное деяние или участвовало в его выполнении; 2) подстрекателя — лицо, которое подстрекнуло другого к соучастию в преступном деянии; 3) пособника — лицо, которое обеспечивало исполнителя средствами совершения преступления, устраняло препятствия, оказывало помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать исполнению преступного деяния и скрыть его.

В отношении подстрекателя и пособника действовало правило о наказуемости их деяния, аналогичное относительно покушения и приготовления — таковое было возможно только в случае специального указания об этом в законе.

Все соучастники в совершении тяжкого преступления подлежали наказанию в соответствии с санкцией статьи, по которой квалифицировано совместно совершенное деяние, кроме пособника. В отношении него наказание подлежало смягчению согласно положению, закрепленному в ст. 53 Уложения.

Реализации принципа справедливости были посвящены уголовно-правовые нормы, регламентирующие смягчение и замену наказания, а также обстоятельств, усиливающих ответственность.

Таким образом, можно сформулировать вывод: Общая часть Уголовного уложения преодолела, пожалуй, основной недостаток уголовно-правового регулирования первой половины XIX в. — формально-казуистический характер изложения норм, чем особенно страдало Уложение о наказаниях

1845 г. По структуре, логичности и взаимосвязанности правового материала, законодательной технике, в том числе законодательной текстологии, Уголовное уложение соответствовало как российской, так и западноевропейской доктрине уголовного права, оказало влияние на дальнейшее развитие уголовного законодательства Российской Федерации.

Особенная часть любого кодекса, как известно, в большей степени, чем общая, отражает уголовную (уголовно-правовую) политику государства на определенном историческом этапе. Разумеется, не стало исключением и Уголовное уложение. Особенно это заметно по содержанию глав о государственных преступлениях, нормы о которых интегрированы в трех главах: 1) «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и императорского дома» — ст. 99–107 гл. 3; 2) «О государственной измене» — ст. 108–119 гл. 4; 3) «О смуте» — ст. 120–137 гл. 5.

«При распределении... преступлений государственных на роды... была принята система, которая, имея в основании начала, определяющие государственный строй империи Российской, выраженные в законах основных, наиболее соответствующую и порядку распределения сих преступлений, принятому в своде законов»⁹⁰.

Все деяния, указанные в перечисленных статьях Уложения, влекут суровую ответственность. Достаточно сказать, что, например, из восьми статей, входящих в гл. 3 Уложения, четыре предусматривают наказание в виде смертной казни, срочной или бессрочной каторги. Причем эти же виды наказания применялись к виновным и в случае покушения на преступление.

На наш взгляд, специфичным является содержание гл. 5 «О смуте». Создается впечатление, что уголовно-правовые запреты, объединенные в ней, имеют единственную цель — подавление революционной активности народных масс, уголовно-правового воздействия на грядущие революционные события. Об этом свидетельствует перечень деяний, преследуемых в уголовно-правовом порядке: участие в скопищах (в политических демонстрациях. — *А. Ч.*) с целью выражения неуважения к верховной власти, порицания образа правления или порядка наследования престола и др.; участие в скопищах, сопряженных с насилием над личностью, похищением или уничтожением имущества и т.д., сопротивлением или принуждением (действия организатора и подстрекателя составляли самостоятельное преступление, наказывавшееся более строго); участие в скопищах, соединенное с оказанием противодействия вооруженной силе, захватом власти, освобождением из-под стражи арестантов и т.д.; создание партий, организации и обществ без соблюдения соответствующих правоустановлений.

Многие нормы Особенной части Уголовного уложения сохранили и ранее существовавшие недостатки (например, присущие Уложению о наказаниях), во-первых, казуистичный характер изложения статей, что можно подтвердить на примере нормы о государственной измене; во-вторых, чрезмерное, на наш взгляд, использование бланкетного метода описания признаков преступлений.

⁸⁸ Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Ч. 1. С. 346.

⁸⁹ Этот вид приготовительных действий упоминается и в Уголовном кодексе РФ, но приготовление к совершению преступления им не ограничивается.

⁹⁰ Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. С. 182.

Глава V Уложения охватывает статьи об ответственности за неповиновение власти⁹¹; гл. VI объединяет статьи, предусматривающие уголовную ответственность за противодействие правосудию. Глава XII посвящена охране личных и трудовых прав рабочих; в то же время в нее вошла норма об ответственности за забастовки и стачки. В гл. XIII–XV, XVII и XXI представлены уголовно-правовые запреты в сфере порядка государственного управления, общественной безопасности и народного здоровья. Главы XVI и XXXIV содержали описание т.н. хозяйственных преступлений. Посягательства против семьи включены в гл. XIX Уложения. Нормы гл. XXII, XXVIII и частично XXIX предусматривают ответственность за преступления против личности. Собственность охранялась нормами гл. XXX–XXXIII и XXXVI Уложения. Деяния против авторских прав и привилегий на изобретение охватывались нормами гл. XXXV.

Таким образом, содержание глав Особенной части Уголовного уложения свидетельствует о том, что законодатель стремился охватить максимум деяний, которые могли преследоваться в уголовно-правовом порядке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балыбин В.А.* К истории Уголовного уложения 1903 г. в России // Вестник ЛГУ. 1977. № 1. С. 124.
2. *Балыбин В.А.* Основные тенденции развития уголовного законодательства России в 1861–1881 гг. // Правоведение. 1977. № 3. С. 55, 56, 58.
3. *Балыбин В.А.* Уголовное уложение Российской империи 1903 г.: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 87–96, 102.
4. *Васильев А.В.* Законодательство и правовая система дореволюционной России. Якутск, 2003. С. 222.
5. *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
6. *Дудырев Ф.Ф.* Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2011. С. 258, 265, 274.
7. *Евангулов Г.Г.* Уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.). Текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства и с алфавитным предметным указателем. СПб., 1903. С. 6, 17.
8. *Загородников Н.И.* Николай Степанович Таганцев: вступительный очерк // Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: часть общая: в 2 т. / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. IX.
9. *Колоколов Г.Е.* Новое уголовное уложение. Толкование и критический разбор. М., 1904. С. 3, 4.
10. *Майков П.М.* Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1906.
11. *Марголин А.Д.* Основные черты нового уголовного Уложения. Критический очерк с предисловием профессора Лионского университета Р. Гарро. Киев, 1907. С. 18.
12. *Назаренко Г.В.* Вина в уголовном праве. Орел, 1996. С. 3.
13. *Наумов А.В.* История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г. // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1993. № 5.
14. *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 344, 346.
15. Обзорение хода работ по составлению нового уголовного уложения // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 1. С. 274.
16. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
17. *Поцелуев Е.Л.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Правоведение. 2003. № 3/248.
18. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 57.
19. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М., 1987. С. 167; 1991. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. С. 301; 1994. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. С. 240, 243–246, 251, 264, 265.
20. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1900. С. 28, 29.
21. *Таганцев Н.С.* Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея // Право: еженедельная юрид. газ. 1913. 24 марта.
22. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. СПб., 1902. Т. 1. С. 218, 221, 222, 226.
23. *Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 26, 93, 94, 182.
24. *Тимофеев А.Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. С. 123, 124.
25. *Фецыц Г.В.* Реакционная сущность системы преступлений и наказаний по Уголовному уложению 1903 г. и практики его применения: дис. ... канд. юрид. наук. Львов, 1984. С. 47.

REFERENCES

1. *Balybin V.A.* To the history of the Criminal Code of 1903 in Russia // Herald of LSU. 1977. No. 1. P. 124 (in Russ.).
2. *Balybin V.A.* The main trends in the development of criminal legislation of Russia in 1861–1881 // Jurisprudence. 1977. No. 3. P. 55, 56, 58 (in Russ.).
3. *Balybin V.A.* Criminal code of the Russian Empire 1903: dis. ... PhD in Law. L., 1982. P. 87–96, 102 (in Russ.).
4. *Vasiliev A.V.* Legislation and the legal system of pre-revolutionary Russia. Yakutsk, 2003. P. 222 (in Russ.).
5. *Dagel P.S., Kotov D.P.* The subjective side of the crime and its establishment. Voronezh, 1974 (in Russ.).
6. *Dudyrev F.F.* Codification of the criminal legislation of the Russian Empire in the XVIII – early XX century. Yekaterinburg, 2011. P. 258, 265, 274 (in Russ.).
7. *Evangulov G.G.* Criminal Code (Highly approved on March 22, 1903). The text of the law with an outline of its main provisions and significant differences from the current legislation and with an alphabetical subject index. St. Petersburg., 1903. P. 6, 17 (in Russ.).
8. *Zagorodnikov N.I.* Nikolay Stepanovich Tagantsev: introductory essay // Tagantsev N.S. Russian Criminal Law: lectures: General part: in 2 vols. / comp. and ed. by N.I. Zagorodnikov. M., 1994. Vol. 1. P. IX (in Russ.).
9. *Kolokolov G.E.* New criminal code. Interpretation and critical analysis. M., 1904. P. 3, 4 (in Russ.).
10. *Maikov P.M.* The second department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. St. Petersburg, 1906 (in Russ.).

⁹¹ Многие из них представляют собой прообраз норм гл. 32 УК РФ.

11. *Margolin A.D.* The main features of the new criminal Code. A critical essay with a foreword by Professor R. Garreau of the University of Lyon. Kiev, 1907. P. 18 (in Russ.).
12. *Nazarenko G.V.* Guilt in Criminal Law. Orel, 1996. P. 3 (in Russ.).
13. *Naumov A.V.* The history of creation and general characteristics of the Criminal Code of 1903 // Herald of Moscow State University. Ser. 11. Law. 1993. No. 5 (in Russ.).
14. *Naumov A.V.* Crime and punishment in the history of Russia: in 2 parts. M., 2015. Part 1. P. 344, 346 (in Russ.).
15. Review of the progress of work on drafting a new Criminal Code // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 1. P. 274 (in Russ.).
16. *Ostroumov S.S.* Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. M., 1980 (in Russ.).
17. *Potseluyev E.L.* Criminal Code of March 22, 1903: reasons for adoption and history of creation // Jurisprudence. 2003. No. 3/248 (in Russ.).
18. *Pustoroslev P.P.* Russian Criminal Law. The General part. Issue 1. Introduction. Sources of Criminal Law. Crime. Yuryev, 1912. P. 57 (in Russ.).
19. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the heyday of absolutism / res. ed. E.I. Indova. M., 1987. P. 167; 1991. Vol. 8: Judicial reform / res. ed. B.V. Vilensky. P. 301; 1994. Vol. 9: Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions / res. ed. O.I. Chistyakov. P. 240, 243–246, 251, 264, 265 (in Russ.).
20. *Sergeevsky N.D.* Russian Criminal Law. A manual for lectures. General part. St. Petersburg., 1900. P. 28, 29 (in Russ.).
21. *Tagantsev N.S.* A few words about one deplorable anniversary // Law: weekly legal newspaper. 1913. March 24 (in Russ.).
22. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. General part: in 2 vols. St. Petersburg., 1902. Vol. 1. P. 218, 221, 222, 226 (in Russ.).
23. *Tagantsev N.S.* Criminal Code of March 22, 1903 with the motives extracted from the explanatory note of the editorial commission, the submission of the Mines. Of Justice to the State Council and the Journal – a special meeting, a special presence of departments and a general meeting of the State Council. St. Petersburg, 1904. P. 26, 93, 94, 182 (in Russ.).
24. *Timofeev A.G.* The history of corporal punishment in Russian law. St. Petersburg, 1897. P. 123, 124 (in Russ.).
25. *Fetsych G.V.* Reactionary essence of the system of crimes and punishments under the Criminal Code of 1903 and the practice of its application: dis. ... PhD in Law. Lvov, 1984. P. 47 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Aleksandr I. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia